

О ВЛИЯНИИ ВИТГЕНШТЕЙНА НА ЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИТИВИСТОВ*

Васильев Вадим Валерьевич – доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о влиянии идей Людвиг Витгенштейна, и прежде всего идей его «Логико-философского трактата», на философию логического позитивизма. Соглашаясь с тем, что вопрос о таком влиянии не является самоочевидным, автор вначале уточняет понятие логического позитивизма, а затем обращается к свидетельствам ведущих логических позитивистов о влиянии Витгенштейна. Анализ свидетельств М. Шлика, Р. Карнапа, О. Нейрата, Ф. Вайсмана и А. Айера позволяет заключить, что по крайней мере сами эти мыслители считали такое влияние очень значительным.

Ключевые слова: Витгенштейн, логический позитивизм, А. Айер, Р. Карнап, О. Нейрат, М. Шлик, Ф. Вайсман

ON WITTGENSTEIN'S INFLUENCE ON THE LOGICAL POSITIVISTS

Vadim V. Vasilyev – Dsc in Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovskiy Ave, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com

In this article, I consider the influence of the ideas of Ludwig Wittgenstein, and above all the ideas of his *Tractatus Logico-Philosophicus* on the philosophy of logical positivism. Agreeing that the question of such an influence is not a self-evident one, I clarify at first the concept of logical positivism and then turn to the evidence of the leading logical positivists about the influence of Wittgenstein upon them. An analysis of recollections of Moritz Schlick, Rudolf Carnap, Otto Neurath, Friedrich Waismann, and Alfred Ayer suggests that at least these thinkers themselves considered such an influence as very significant.

Keywords: Wittgenstein, logical positivism, Ayer, Carnap, Schlick, Waismann, Neurath

В начале XXI в. Людвиг Витгенштейн, несомненно, остается одним из самых обсуждаемых философов предшествующего столетия. Значимость этой фигуры подтверждается не только бесчисленными книгами, статьями и докладами о Витгенштейне, но и данными опросов профессиональных философов (за пределами академии его влияние было менее заметным, так что старший кембриджский товарищ Витгенштейна Дж.Э. Мур напрасно удивлялся, что британский король никогда не слышал о Витгенштейне [Малкольм, 2002, с. 37]). Вместе с тем современная рецепция идей Витгенштейна не выглядит очень

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075–15–2020–798).

уж позитивно. Хотя многие считают Витгенштейна важнейшим мыслителем прошлого столетия¹, трудно утверждать, что его идеи оказали большое влияние на ведущих философов наших дней. Хотя некоторые из них, к примеру С. Крипке, и правда, испытали воздействие Витгенштейна, этого нельзя сказать о многих других значимых фигурах современной аналитической философии. Ни Д. Деннет, последователь У. Куайна и Г. Райла, ни Дж. Серл, продолжатель дела Дж. Остина и П. Стросона, ни Т. Уильямсон или Д. Чалмерс, равно как и многие другие законодатели мод, не являются витгенштейнианцами.

Этот диссонанс естественно подталкивает к попыткам переосмысления феномена Витгенштейна. Подталкивают к нему и некоторые особенности текстов этого философа. Многие из них не соответствуют стандартам аналитической философии, одним из основателей которой он считается. В них мало доказательности, много недоговоренностей и концептуальной темноты. Витгенштейн словно бы внушает свои идеи, а не обосновывает их. И в этой связи заманчивым кажется предположение, что влияние Витгенштейна связано скорее с его личностью, чем с его философией. Он был совершенно незаурядным человеком, словно бы продиравшимся к истине. Его личность притягивала к себе, но если отвлечься от этого притяжения, то с чем мы останемся?

Один из возможных ответов состоит в том, что мы останемся, по сути, ни с чем. Ответ этот заслуживает внимания и обсуждения. Важность яркой полемической статьи А.Л. Никифорова «Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм» [Никифоров, 2021], ставшей поводом для моей реплики, состоит именно в том, что она побуждает еще раз задуматься об идейном влиянии Витгенштейна. Никифоров ставит под вопрос влияние Витгенштейна на тех философов, которые, казалось бы, являются лучшими примерами его влияния: логических позитивистов. Если такого идейного влияния и правда не было или если оно было сильно преувеличено (в аннотации к статье Никифорова утверждается, что Витгенштейн не оказал никакого влияния на логических позитивистов, но в основном тексте статьи оценки автора несколько смягчаются), то роль и место Витгенштейна в истории философии XX в. придется серьезным образом переосмысливать.

Сразу надо отметить, что вопрос о влиянии Витгенштейна на логических позитивистов – это, разумеется, громадная тема, многократно обсуждавшаяся в литературе. Подробное ее рассмотрение требует очень больших объемов текста. В своей краткой заметке я не смог бы даже претендовать на детальные ответы. Поэтому я хочу обсудить только один аспект этой темы. Я постараюсь показать, как сами логические позитивисты оценивали силу воздействия идей Витгенштейна на свои философские построения. Конечно, нельзя

¹ См., напр., <https://leiterreports.typepad.com/blog/2009/03/so-who-is-the-most-important-philosopher-of-the-past-200-years.html>

исключить, что их оценки были неточными, что они были искажены субъективными факторами, особым отношением к Витгенштейну и т.п. Но трудно спорить, что их оценки являются важным источником для понимания этого идейного влияния или его отсутствия. И этот материал достоин изложения.

Несколько слов о самом понятии логического позитивизма. В наши дни термин «логический позитивизм» может показаться несколько устаревшим и размытым, но в более ранние времена у него имелся вполне определенный смысл. Его передает один из самых известных логических позитивистов, британский философ А. Айер, в антологии под его редакцией, которая так и называлась «Логический позитивизм». Первое издание этой книги вышло в 1959 г. Во введении Айер сообщал, что «[т]ермин “логический позитивизм” был придуман примерно тридцать лет назад для характеристики позиции группы философов, ученых и математиков, которые именовали себя Венским кружком» [Айер, 1959, с. 3]. Это словопотребление подтверждается и в ранней книге Айера «Язык, истина и логика», которая считается одним из неформальных манифестов логического позитивизма. В предисловии к первому изданию, написанному в 1935 г., Айер упоминает философов «Венского кружка», которые «известны как логические позитивисты» [Айер, 2010, с. 11]. Надо, правда, отметить, что в статье «Логический позитивизм» (1931) А. Блумберга и Г. Фейгла, где, похоже, впервые применялся интересующий нас термин, к ведущим логическим позитивистам причисляются не только венские философы М. Шлик и Р. Карнап, но и берлинец Х. Райхенбах. Более того, к ним причисляется сам Витгенштейн [Блумберг, Фейгл, 1931, с. 281]. При таком понимании вопрос о влиянии Витгенштейна на логический позитивизм автоматически разрешается.

Так что вернемся к более репрезентативному словопотреблению Айера. Поскольку Айер сам был членом Венского кружка, начать описание отношения логических позитивистов к Витгенштейну можно с него. Он подробно рассказывает об этом в автобиографии. Айер говорит, что с идеями Витгенштейна его познакомил Г. Райл и что «Логико-философский трактат» Витгенштейна произвел на него «потрясающее впечатление» [Айер, 1977, с. 115]. Он сообщает, что «узнал из “Трактата”, что осмысленные пропозиции распадаются на два класса: они либо являются тавтологиями, подобно пропозициям в логике или в чистой математике, либо допускают эмпирическую верификацию» [Там же]. Далее он поясняет, что он быстро принял эти тезисы Витгенштейна, так как уже был готов принять их по итогам собственных разысканий. Тем не менее из всех испытанных им влияний наибольшим было именно влияние на него «Трактата» [Там же].

Автобиография Айера может быть полезной для нас еще и потому, что он сообщает свои впечатления о неформальном статусе

различных членов Венского кружка, к которому он присоединился в 1932 г. по рекомендации Г. Райла. Первым он, разумеется, упоминает М. Шлика, лидера и руководителя кружка вплоть до своей смерти в 1936 г. Другим лидером назван Р. Карнап, который, правда, в 1932 г. уже покинул Вену. После рассказа о Карнапе Айер обсуждает О. Нейрата, по многим вопросам оппонировавшего другим лидерам кружка. Следующим в неформальной иерархии он называет Ф. Вайсмана [Айер, 1977, с. 128–132]. Айер упоминает и других членов кружка, в том числе его идейного вдохновителя Х. Хана, К. Геделя и У. Куайна, но ясно, что главными в этом философском клубе для него были Шлик, Карнап, Нейрат и Вайсман.

Неудивительно, что перечисленные философы являются авторами большинства статей в уже цитированной антологии «Логический позитивизм», вышедшей под редакцией Айера. Шлику здесь принадлежат четыре текста, Карнапу – три, Нейрату – два, Вайсману – один. Помимо этого в сборнике находятся тексты за авторством Х. Хана, самого Айера, а также Б. Рассела, Г. Райла и трех других авторов, включенных на том основании, что в конце 50-х название «логический позитивизм» стало применяться в более широком значении, чем в более ранний период. Так или иначе, но во введении Айер провозглашает, что «“Логико-философский трактат” оказал громадное воздействие на позитивистское движение, как в Вене, так и за ее пределами» [Айер, 1959, с. 4].

Посмотрим, насколько сказанное Айером справедливо по отношению к упомянутым им лидерам Венского кружка. Самым очевидным выглядит случай с Вайсманом. Ведь его философская деятельность во многом сводилась к толкованию идей Витгенштейна, в том числе, разумеется, идей «Трактата». Записи его бесед с Витгенштейном составили несколько томов, а сам он долго работал над книгой «Логика. Язык. Философия. Критика философии посредством логики», разъясняющей идеи Витгенштейна. И хотя он, разумеется, публиковал самостоятельные труды, он отмечал, что обязан Витгенштейну «всем своим методом обращения с философскими вопросами» [Вайсман, 1976, с. 80].

Обратимся теперь к оценке значимости идей Витгенштейна М. Шликом. Одни из самых четких формулировок можно найти в предисловии Шлика к упомянутой книге Вайсмана, написанном в 1928 г. (сама книга, правда, была опубликована лишь в 1965 г. под названием «Принципы лингвистической философии»). Шлик говорит, что считает «Логико-философский трактат» Витгенштейна «самым значительным философским трудом наших дней» и его значимость видится ему в том, что там дается четкое обоснование эмпиризма через отрицание возможности априорных синтетических суждений (логических позитивистов нередко называли также «логическими эмпиристами»). Такое обоснование он ставит гораздо выше

традиционного эмпиристского тезиса о происхождении всех знаний из опыта. Помимо прочего оно не исключает априорных аналитических суждений в логике и математике. «Полное прояснение и установление природы логического» Витгенштейном делает значимость его «Трактата» поистине «бесценной» [Шлик, 1979, с. 136].

Приведенные выше оценки идей Витгенштейна Вайсманом и Шликом, конечно, мало кого могут удивить – их увлеченность этими идеями и личностью их автора хорошо известна. Хорошо известно и то, что такой увлеченности не было у О. Нейрата. Нейрат критиковал Витгенштейна за излишнюю метафизичность его построений в «Трактате», мешавшую перспективам физикалистской «унифицированной науки», горячим сторонником которой он был. Одним из фрагментов такой метафизики у Витгенштейна он считал призыв молчать о том, о чем нельзя говорить. Тут предполагается загадочное нечто, о котором мы молчим, разрушающее стремление к унификации. Надо просто молчать [Нейрат 1983, с. 60]. Другим метафизическим фрагментом являются рассуждения о языке как отображении реальности, предполагающие, что истина состоит в соответствии высказываний и противостоящих им фактов. В действительности при унифицирующей перспективе не только высказывания могут быть интерпретированы как факты, но и факты как высказывания [Там же, с. 53, 61], и это ведет к эпистемологическому холизму и к когерентной теории истины. Эти идеи повлияли на У. Куайна и его последователей, далеких от Витгенштейна.

Примечательно, однако, что и Нейрат говорит о большой значимости идей Витгенштейна. Он, например, отмечает, что венские философы соглашались с его представлением о том, что у философии нет собственных утверждений. Ее задача, согласно Нейрату, – «анализ науки и обсуждение ее логических проблем» [Нейрат, 1983, с. 180]. Кроме того, Нейрат утверждал, что «Логико-философский трактат» «прояснил, помимо прочего, статус логики и математики» [Там же, с. 52]. В общем, он считал, что «[м]ы очень многим обязаны книге Витгенштейна» [Там же, с. 231].

Если даже Нейрат признавал значительное влияние Витгенштейна, то по крайней мере не меньшего можно ожидать от Р. Карнапа. Карнап был ведущим представителем логического позитивизма, а его статья «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (1931) считается одним из бесспорных шедевров, созданных внутри этого философского движения. Интерес к оценкам Карнапа подогревается еще и потому, что его наследие не утратило своей актуальности и в наши дни, чего нельзя сказать о некоторых других венских философах. К примеру, один из лидеров современной аналитической философии, Д. Чалмерс, говорил, что в одной из своих книг, «Конструируя мир», он продолжает дело Карнапа [Чалмерс, 2012, с. XVIII]. Идеи Карнапа обсуждаются в наши дни в многочисленных статьях, монографиях и руководствах.

Карнап рассказывает о своем отношении к Витгенштейну в «Интеллектуальной автобиографии», впервые опубликованной в 1963 г. в книге «Философия Рудольфа Карнапа». Карнап сообщает, что познакомился с «Логико-философским трактатом» еще в его первом немецком издании 1921 г., но тогда не до конца понял и не до конца прочитал этот труд. Перебравшись в Вену в середине 20-х, он с радостью констатировал интерес к «Трактату» у членов кружка, которые стали устраивать его детальный разбор и обсуждения – предложение за предложением (ср. [Эдмондс, 2020, с. 45], где описывается, с чего началось это их увлечение книгой Витгенштейна). И он говорит, что «книга Витгенштейна оказала сильное влияние на наш кружок» [Карнап, 1997, с. 23].

Затем Карнап описывает влияние Витгенштейна на себя лично. Он сообщает, что «Витгенштейн был философом, оказавшим, наряду с Расселом и Фреге, возможно, наибольшее влияние на мою мысль» [Карнап, 1997, с. 24]. Самой важной для него идеей Витгенштейна было «представление о том, что истинность логических положений основана только на их логической структуре и на значении терминов. Логические положения истинны при любых мыслимых обстоятельствах; так что их истинность не зависит от контингентных фактов о мире» [Там же]. «Другой влиятельной идеей Витгенштейна, – продолжает Карнап, – было уяснение того, что многие философские предложения, особенно в традиционной метафизике, являются псевдопредложениями, лишенными когнитивного контента». Карнап говорит, что пришел к похожим взглядам независимо от Витгенштейна, но его влияние усилило их и сделало более радикальными [Там же].

Итак, мы видим, что ведущие философы Венского кружка признавали значительное влияние идей Витгенштейна на свои взгляды и на кружок в целом. Если учесть, что логический позитивизм изначально тесно увязывался с воззрениями представителей Венского кружка, отрицать влияние Витгенштейна на логический позитивизм весьма и весьма затруднительно. В начале статьи я допускал, что их высокие оценки можно было бы попытаться объяснить не объективным влиянием, а очарованием личности Витгенштейна. Этот аргумент мог бы претендовать на некоторое правдоподобие в случае Вайсмана или Шлика (хотя и у них увлечение «Трактатом» предшествовало личному знакомству с его автором). Но он точно неприменим к Нейрату и Карнапу [см., напр., Миронов, 2014, с. 27–28], да и к другим членам Венского кружка, таким как Айер. Надо только не забывать, что влияние нельзя приравнивать к полному принятию взглядов того, кто оказывает влияние. Логические позитивисты были самостоятельными философами с разными воззрениями. Они спорили и не соглашались друг с другом, как, к примеру, Шлик и Нейрат. И никто из них не был эпигоном Витгенштейна. Даже его толкователь Вайсман был вполне оригинальным мыслителем. Но все это

никак не отменяет возможности – и реальности – влияния на них Витгенштейна. И это влияние было связано прежде всего не с его личностью, а с идеями его «Логико-философского трактата». К этой отмечающей свое 100-летие книге можно относиться по-разному, но ее историческая роль состоит хотя бы в том, что она, судя по всему, все же повлияла на логических позитивистов. Еще более важной кажется мне такая перспектива оценки «Трактата», при которой он рассматривается как итоговое произведение раннего этапа развития аналитической философии, как труд, суммирующий интуиции ее основателей – Дж.Э. Мура, Б. Рассела и Г. Фреге. В качестве такового этот труд стал отправной точкой для ее дальнейшего развития. И можно надеяться, что идеи этой книги будут полезны и для аналитических философов новых поколений.

Список литературы

- Айер, 2010 – *Айер А.Дж.* Язык, истина и логика / Под ред. В.А. Суровцева. М.: «Канон+», 2010. 240 с.
- Мионов, 2014 – *Мионов Д.Г.* Венский кружок // Финиковый компот. 2014. № 6. С. 25–28.
- Никифоров, 2021 – *Никифоров А.Л.* Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 22–30.
- Айер, 1966 – *Ayer A.J.* (ed.) *Logical Positivism*. N.Y.: The Free Press, 1959. 455 p.
- Айер, 1977 – *Ayer A.J.* *Part of My Life*. L.: Collins, 1977. 318 p.
- Блумберг, Фейгл, 1931 – *Blumberg A.E., Feigl H.* *Logical Positivism* // *The Journal of Philosophy*. 1931. Vol. 28. No. 11. Pp. 281–296.
- Вайсман, 1976 – *Waismann F.* *Philosophical Papers* / Ed. by B. McGuinness. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1976. 190 p.
- Карнап, 1997 – *Carnap R.* *Intellectual Autobiography* // *The Philosophy of Rudolph Carnap*. 3rd printing / Ed. by Schilpp P.A. La Salle: Open Court, 1997. Pp. 1–83.
- Малкольм, 2002 – *Malcolm N.* *George Edward Moore* // G.E. Moore: *Essays in Retrospect* / Ed. by A. Ambrose and M. Lazerowitz. N.Y.: Routledge, 2002. Pp. 34–52.
- Нейрат, 1983 – *Neurath O.* *Philosophical Papers. 1913–1946* / Ed. by R.S. Cohen and M. Neurath. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1983. 268 p.
- Чалмерс, 2012 – *Chalmers D.J.* *Constructing the World*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 494 p.
- Шлик, 1979 – *Schilck M.* *Philosophical Papers* / Ed. by H.L. Mulder and V.F.B. Van de Velde-Schlick. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1979. 538 p.
- Эдмондс, 2020 – *Edmonds D.* *The Murder of Professor Schlick: The Rise and Fall of the Vienna Circle*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 313 p.

References

- Ayer, A.J. (ed.) *Logical Positivism*. New York: The Free Press, 1959, 455 pp.
- Ayer, A.J. *Part of My Life*. London: Collins, 1977, 318 pp.
- Ayer, A.J.; V.A. Surovtsev (ed.). *Yazyk, istina i logika* [Language, Truth and Logic]. Moscow: «Kanon+», 2010, 240 pp. (In Russian)
- Blumberg, A.E. & Feigl, H. “Logical Positivism”, *The Journal of Philosophy*, 1931, vol. 28, no. 11, pp. 281–296.
- Carnap, R. “Intellectual Autobiography”, in: Schilpp, P.A. (ed.). *The Philosophy of Rudolph Carnap*. 3rd printing. La Salle: Open Court, 1997, pp. 1–83.
- Chalmers, D.J. *Constructing the World*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 494 pp.
- Edmonds, D. *The Murder of Professor Schlick: The Rise and Fall of the Vienna Circle*. Princeton: Princeton University Press, 2020, 313 pp.
- Mironov, D.G. “Venskij kruzhok” [The Vienna Circle], *Finikovyy Kompot*, 2014, no. 6, pp. 25–28. (In Russian)
- Neurath, O.; R.S. Cohen & M. Neurath (eds.). *Philosophical Papers. 1913–1946*. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1983, 268 pp.
- Nikiforov, A.L. “Lyudvig Vitgenshtein i logicheskii pozitivizm” [Ludwig Wittgenstein and Logical Positivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 22–30. (In Russian)
- Malcolm, N. “George Edward Moore”, in: Ambrose A. & Lazerowitz M. (eds) *G.E. Moore: Essays in Retrospect*. New York: Routledge, 2002, pp. 34–52.
- Schilck, M.; H.L. Mulder & B.F.B. Van de Velde-Schlick (eds.) *Philosophical Papers*. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1979, 538 pp.
- Waismann, F.; B. McGuinness (ed.) *Philosophical Papers*. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1976, 190 pp.